[10] *Петриковская А.С.* Рец. на кн.: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Письма. Документы и материалы. М., 1996 // Этнограф. обозрение. 1997. № 1. С. 186–189.

[11] *Комиссаров Б.Н.* Рец. на кн.: *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 5. Письма. Документы и материалы. М., 1996 // Новая и новейшая история. 1998. № 3. С. 226–228.

[12] Там же. С. 227.

[13] Там же. С. 228.

[14] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах. Т. 6. Ч. 1. Этнографические коллекции. Рисунки / Сост. Е.А. Барышева, Л. Бушелл, Л.А. Иванова, Е.С. Соболева, Д.Д. Тумаркин, И.К. Федорова, Т.К. Шафрановская. Отв. ред. Л.А. Иванова, Д.Д. Тумаркин. М., 1999. 687 с.

[15] *Миклухо-Маклай Н.Н.* Собр. соч. в шести томах... Т. 6. Ч. 2. Указатели / Сост. Е.А. Барышева. Отв. ред. Д.Д. Тумаркин. М., 1999. 189 с.

[16] *Петриковская А.С.* Указ. раб. С. 186.

В.П. Николаев

© 2002 г., ЭО, № 1

Р.А. А г е е в а. Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000. 420 с.

Ономастические словари, иными словами словари личных имен, топонимов и этнонимов, все еще остаются экзотикой среди лингвистических словарей русского языка и справочных изданий энциклопедического характера, представляющих сразу несколько научных дисциплин. Рецензируемый словарь-справочник в этом смысле – поистине уникальное явление; поскольку традиций составления словарей этнонимов до настоящего времени в России просто не существовало. Однако нам не хотелось бы хвалить новую работу Р.А. Агеевой, признанного специалиста в области ономастики, только за то, что это первый опыт подобного издания. Книга имеет множество достоинств, и о каждом из них можно рассуждать достаточно много.

Автор и издатели рецензируемой книги определили жанр нового издания как «этнолингвистический словарь-справочник» (с. 3, 6). С этим, пожалуй, можно согласиться, если считать этнолингвистику дисциплиной, принадлежащей в равной мере к языкознанию и этнографии. В самом деле, словарь Р.А. Агеевой объединяет в себе черты этнографического справочника наподобие энциклопедического издания «Народы России» (М., 1994) и специального лингвистического словаря нового типа. В нем органично сочетаются сведения о численности этносов, языковой ситуации, этногенезе и этнической истории, краткая информация о хозяйственно-культурном типе этносов и разнообразные лингвистические материалы, относящиеся к официальным названиям этносов, самоназваниям (автоэтнонимам) и названиям этносов, принятым у их соседей (аллоэтнонимам).

Таким образом, рецензируемая книга – одновременно и историко-этнографическое справочное издание, и этнонимический словарь. При этом в лингвистической части нового словаря в равной мере представлены и синхронический аспект этнонимии – нормативные формы этнонимов и производных от них слов (это прежде всего названия мужчин и женщин), и диахронический, или исторический аспект, к которому относятся, во-первых, устаревшие этнонимы, а во-вторых, вся проблематика этимологического исследования этнонимов. Трудно переоценить тот вклад, который внесен составителем нового словаря в изучение этнической ономастики, и прежде всего этнонимии. В каждой статье словаря, в заголовок которой выносится официально принятое название этноса, приводится самоназвание представителей описываемого этноса и отдельных его подразделений, наименования этноса, использовавшиеся ранее и принятые в зарубежной литературе, а также наименования данного этноса, используемые у его непосредственных соседей. Все эти сведения об авто- и аллоэтнонимах, рассеянные по специальной литературе или двуязычным словарям, были почти не доступны для этнографов. Особо стоит отметить то, что в статьях словаря-справочника содержатся этимологии этнонимов, а этимологическая часть статей содержит почти исчерпывающий обзор литературы о происхождении того или иного этнического названия.

Словарь-справочник «Какого мы роду-племени?» содержит 146 словарных статей, посвященных народам Российской Федерации, СНГ, Балтии и сопредельных государств. Такой подход к отбору материала следует считать оправданным, и он заслуживает безусловного одобрения. Ведь среди читателей книги обязательно будут россияне, принадлежащие к разным большим и малым этносам, а также представители небольших диаспор в России. Нет сомнений и в том, что новое издание вызовет интерес и за пределами России, прежде всего в славянских странах и государствах СНГ и Балтии.

Важное достоинство книги Р.А. Агеевой – ее популярность. Новый словарь-справочник рассчитан на массового читателя, и автору, бесспорно, удалось воплотить в жизнь свои идеи, сделав задуманную книгу легко воспринимаемой, доступной широким читательским массам, представляющим различные народы России, и одновременно сохранить все элементы научного изложения – от необходимого объема информации до строго выдержанного стиля. Тем не менее, несмотря на популярность изложения и предназначенность для массового полиэтнического читателя, новая книга станет полезным справочником и для ученых – этнографов, языковедов, политологов. Без преувеличения можно признать, что столь значительный объем сведений по этнонимии России и сопредельных территорий ранее никогда не концентрировался в одном справочном издании.

Несомненно, словарь-справочник Р.А. Агеевой заслуживает второго издания, и неслучайно издатели книги надеются на читательские отклики и рецензии. Сам факт издания подобного словаря ставит перед этнографами и лингвистами разных профилей – как специалистами по языкам народов РФ, так и перед русистами – множество проблем, которые ниже станут предметом внимания рецензентов. То обстоятельство, что словарь-справочник имеет научный характер и в то же время рассчитан на широкого читателя, побуждает предъявлять несколько повышенные требования к его содержанию.

Автор словаря-справочника злоупотребляет определением «субэтническая группа». Это словосочетание встречается в словаре чрезвычайно часто: камчадалы – «субэтническая группа русских» (с. 142), кумандинцы – «субэтническая группа алтайцев» (с. 186), нагайбаки – «субэтническая группа крещеных татар» (с. 220), телеуты – «субэтническая группа алтайцев» (с. 309), так же как тубалары (с. 315) и челканцы (с. 371), тувинцы-тоджицы – «субэтническая группа тувинцев» (с. 322), хамнеганы – «субэтническая группа монголов» (с. 397), эрзя – «субэтническая группа мордвы» (с. 404).

Создается впечатление, что Р.А. Агеева за счет термина «субэтническая группа» просто пытается примирить традиционную этническую номенклатуру, содержащуюся в большинстве отечественных этнографических работ 50–70-х годов XX в., с тем представлением об этническом составе народов РФ, которое сложилось в последние 20 лет. Однако при этом понятие «субэтническая группа» явно употребляется вместо иных обозначений обособленных подразделений этноса. К числу таких обозначений относятся понятия этнической группы как отдельной территориальной группы, иноэтнической по своему происхождению, этнокультурная специфика которой формируется в основном за счет внешнего инокультурного воздействия, а также понятие этнографической группы, особенности хозяйства и культуры которой обусловлены природно-экологическими условиями[1].

Возможно, полезным при характеристике отдельных групп было бы также относительно новое понятие субэтноса, применимое к тем этническим общностям, которые составляют компактные группы в России, тогда как основная масса представителей данных этносов проживает вне пределов России. Отметим, что с политической и правовой точек зрения наименования всех этносов, включенных в официальные документы, например в перечень малочисленных народов, надлежит рассматривать как названия народов, т.е. самостоятельных этносов, а отнюдь не территориальных подразделений иных народов, даже если в плане этнической истории каких-то народов такие представления соответствуют действительности. Субэтносами могут считаться саамы, эскимосы и алеуты, поскольку бо́льшая часть данных этносов живет вне пределов РФ.

Характеристика отдельных этносов даже с учетом замечаний относительно понятия «субэтническая группа» оказывается неполной. Коми-зыряне определены как «часть народа коми» (с. 173), а коми-пермяки не получили вообще никакого определения (с. 175); также остался вообще без дефиниции этноним «чулымцы» (с. 388–390).

В словнике словаря пропущены шапсуги (о них бегло говорится в статье «Адыгейцы», с. 27) и сойоты. Отсутствуют в словаре-справочнике и камасинцы – единственный этнос РФ, который перестал существовать во второй половине XX в. Отдельная статья посвящена финнам, но ничего не говорится о венграх,

которые проживают в Закарпатье на Украине. В словарь-справочник попали ливы, живущие на территории Латвии, но не попали небольшие этнические группы, живущие на Украине, – урумы (тюркоязычные греки) и албанцы.

Отдельная статья посвящена марковцам (о ней мы будем говорить ниже), но ничего не сказано о некрасовцах – этнической группе со своеобразной исторической судьбой. Нет в словнике словаря и молокан, для которых подошло бы определение «этноконфессиональная группа», чем неоднократно пользуется автор. Очевидно, при доработке словника данного словаря для второго издания автору следует учесть «Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации», утвержденный постановлением правительства РФ от 24 марта 2000 г. за № 255, в котором представлен официальный список малочисленных этносов РФ, что, разумеется, не исключает возможности его пополнения за счет названий отдельных территориальных подразделений таких этносов.

Характеристики некоторых этнических групп, как нам кажется, следует уточнить. Казаки – это все-таки не единая «субэтническая группа» (с. 129), а прежде всего этносословная (чтобы не говорить – прежде всего сословная) группа, а из 11 казачьих войск, названных в указанной статье, можно было бы выделить 7–8 разных этнографических групп.

Поморы (с. 275) – это также не «субэтническая группа русских», а скорее локальная этнографическая группа. Для определения семейских (с. 279) более подошло бы определение «этноконфессиональная группа», поскольку наиболее яркая черта, отличающая их от различных групп русского старожильческого населения Сибири, – принадлежность к старообрядчеству.

Что касается марковцев (с. 211), то это понятие носит чисто исторический характер – так одно время называли русскоговорящих жителей пос. Марково на Анадыре, которые ныне известны под названием чуванцев. В трудах XIX в., посвященных народам Чукотки (например, книги А.В. Олсуфьева или А.Е. Дьячкова), эта группа именовалась просто «русские», поскольку приезжего населения тогда на Чукотке не было, а с 1930-х годов применительно к ней в обиход вошло наименование «чуванцы», ныне вошедшее в официальный перечень коренных народов РФ. Сомнительным выглядит утверждение автора, что в 1950-е годы марковцев, или чуванцев, причислили к русскоязычным чукчам: учитывая особое самосознание этого этноса и его ценностные приоритеты среди других народов Чукотки, их скорее отнесли бы к русским, хотя небольшая часть чуванцев была записана как юкагиры.

Среди народов Китая упомянуто название народа «фучин» (с. 356), однако тут на самом деле имеются в виду так называемые фуюйские кыргызы, компактно проживающие в у. Фуюй в пров. Хэйлунцян.

Довольно свободно и не всегда последовательно в рецензируемом словаре представлена такая этнополитическая характеристика, как «коренное население»: «Агулы – коренное население Дагестана» (с. 25). «Кайтагцы – коренное население Дагестана» (с. 136), «Даргинцы – коренное население Дагестана, сформировавшееся в I тысячелетии до н.э. ...» (с. 109), «Гунибцы – коренной народ Дагестана» (с. 107). Однако при этом термин «коренной народ» отсутствует в статье «Аварцы», характеризующей один из самых крупных и, безусловно, также автохтонных народов Дагестана. Неясно, был ли вообще смысл связывать описываемые этносы с какой-то территорией в исторической перспективе, что и приводит к противопоставлению «коренных» и «некоренных» народов, особенно если это относится к седой древности и грозит из справочного издания распространиться на этническое самосознание отдельных народов и в конце концов привести к нежелательным последствиям политического и юридического характера.

В отдельных статьях словаря (увы, таких статей довольно много) имеется большое количество досадных пропусков в библиографии. Понятно, что в кратком списке литературы невозможно учесть всю историко-этнографическую литературу по тому или иному этносу, однако библиографические справки в подобном издании, думается, все же должны давать представление и о наиболее значительных трудах по истории и культуре этноса, и об основных специалистах, изучавших тот или иной этнос. В статье «Шорцы» не указаны работы Н.П. Дыренковой – крупнейшего исследователя этнографии и языков тюркских народов Алтая, в том числе ее книга «Шорский фольклор» (Л.;М., 1940). В статье «Ханты» совершенно нет работ Е.Г. Федоровой – признанного специалиста по этнографии хантов и манси, в статье «Колымчане» не указаны работы Р.В. Каменецкой. В статье «Нивхи» не указана книга Е.А. Крейновича «Нивхгу» (М., 1973), сочетающая в себе достоинства научной монографии и ценного источника по этнографии нивхов в первой четверти XX в. В статье «Тазы» пропущена специальная работа В.А. Тураева.

В библиографиях к отдельным статьям словаря не указаны такие публикации последних лет, как книги Л.В. Хомич: «Ненцы» (СПб., 1994), «Ненцы. Очерки традиционной культуры» (СПб., 1995), «Саамы» (СПб., 1999) и «Нганасаны» (СПб., 2000) – все-таки выход четырех книг одного автора за шесть лет можно считать большим событием в нашей науке. Не указаны в словаре и другие книги: А.П. Володина «Ительмены» (СПб., 1995), Е.Г. Федоровой «Историко-этнографические очерки материальной культуры манси» (СПб., 1994), Р.И. Якупова «Тептяри. Этносоциальный феномен и научная проблема» (Уфа, 1998), Д. Андерсона «Тундровики. Экология и самосознание таймырских эвенков и долган» (Новосибирск, 1998). В статье «Чукчи» не учтена статья В.В. Леонтьева «Происхождение этнонима "чукчи" и слова "чаучу"» (1982)[2]. Укажем здесь же и новую специальную работу об этнониме «Камчадалы"[3].

Довольно много замечаний по собственно этнонимической части словарных статей. Самоназвание алюторцев *нымылгарэмку* означает не «кочующий житель», а «оседлый народ» (с. 46) – ср. самоназвание оседлых коряков *нымылг"ын*, а происхождение этого этнонима, очевидно, связано с чукотским словом *олвэтвальыт* – «оседло живущие», которое могло превратиться в *элютэльыт* либо в алюторском языке, либо при перезаимствовании его в чукотский язык из какого-то корякского диалекта.

В статье «Коряки» (с. 181) вслед за У.Г. Поповой автор неверно приводит два других эвенских названия коряков: эвены называют оленных коряков не *чайн"чибар* или *чан"чивар* (ср. 179, 181), а *чагчибал*, и не *к"ок"тари*, а *хакта"ри* – «носящие закрытую одежду»; для оседлых коряков в эвенском языке существует название *нимелер* (ед.ч. *нимелен*), а пареньских коряков гижигинские эвены называют *пойпалар*. Словом *булэн* (а не *вулын*, с. 179) эвены называют не коряков, а юкагиров, и сомнительно, чтобы в Олекминском р-не (улусе) Якутии вообще жили эвены – там живут эвенки. Что касается этимологии названия народа *коряки*, то оно, по нашему мнению, происходит от чукотского слова *ак"оракыльыт* («безоленные, не имеющие оленей»), и первоначально это название употреблялось только по отношению к оседлым корякам и даже к оседлым приморским чукчам побережья Чаунской губы.

У чуванцев никогда не было самоназвания *этэли* (с. 380) – это название было введено в 20-е годы XX в. с целью заменить наименование «чуванцы» (точно так же, как писалось «чавчувены» вместо *коряки*, «юиты» вместо *эскимосы*, «унанганы» вместо *алеуты* и т.п.). Неверно характеризовать чуванцев и как субэтническую группу юкагиров (там же), поскольку уже в XVII в. чуванцы были смешаны с чукчами и коряками, а современные чуванцы представляют особый этнос. Наименование «чаунцы», вопреки мнению Р.А. Агеевой (с. 381), вообще отсутствует в документах XVII в., которые дают только формы *чуванзеи*, *чуванзи*.

Эвены называют чукчей не *чйучэ* (с. 385), а *чукча*, а наименование того же этноса *чуупча* принадлежит нижнеколымским юкагирам, которые имели даже отдельное наименование для чаунских чукчей в виде *чаача*. Слово *мэнэ*, вопреки словарю (с. 398), не было самоназванием арманских эвенов – они называли себя *эвнэ* (закономерная диалектная модификация самоназвания эвенов *эвэн*); этим словом оленные эвены-*орачил* называли арманских эвенов.

Наименование *хулдача*, опять-таки вопреки данным словаря (с. 400), не является юкагирским обозначением эвенов – это название одного из эвенских родов низовьев Индигирки, юкагиры же называют эвенов *эрпэйэ*. Якутские названия юкагиров – слова *омук*, а также в словосочетаниях – *дьукэбил*, ср. якут. *дьукэбил уота* – «северное сияние» (букв. «юкагирские огни»).

Отдельную проблему составляет происхождение названия «якуты» и самоназвания якутов «саха». По поводу происхождения названий *саха* и *якут* существует объемная литература, и она не вся учтена составительницей[4]. Мы предполагаем, что самоназвание якутов *саха* – монгольское по происхождению и представляет собой закономерное преобразование известного монгольского этнонима *чахар* в тюркоязычной среде, в частности в якутском языке (ср. монг. *хадар* – «скала» и якут. *хайа*). Замечания В. Серошевского относительно того, что название *чахары* в якутском языке существует независимо от самоназвания и фигурирует в основном в уничижительных контекстах, относятся к позднейшему повторному заимствованию этого названия.

Русское название *якут* и эвенкийское *йоко*, очевидно, происходят от чукотско-корякского слова *ыяакэн* – «дальний, далекий», эргативный падеж *ыяака* (> эвенк. *йоко*), множественное число в чукотском языке *ыяакэт* (> рус. *якут*). По-видимому, это слово было заимствовано эвенками у чукчей или коряков еще в местах, близких к их исторической родине вблизи от Тихоокеанского побережья, и впоследствии, став обозначением этносов, которые находились на крайней периферии этнического кругозора говорящих, было принесено эвенками в Западную Сибирь, где, уже без мотивировки, приспособлено для обозначения народа с самоназванием *саха*. От эвенков название «якут» было перенято русскими землепроходцами.

Р.А. Агеева в своем словаре уделяет много внимания нормативному виду этнонимов в современном русском языке. Ею отмечено, что в словарях современного русского языка отсутствуют этнонимы *ижорцы, ливы, нганасаны, сету, энцы*. Ряд указаний словаря носит рекомендательный характер, поскольку словарями русского языка нередко не фиксируются наименования мужчин и женщин – представителей того или иного народа. Так, для названия представителей народа «водь» автором предлагаются наименования *вожанин* и *вожанка*, что не вызывает ни малейшего возражения.

Однако ряд таких указаний или рекомендаций с точки зрения русского языка является спорным или расходится с реальным узусом. Так, для обозначения женщин народа «юги» (одна из групп кетов) более подходит, как нам кажется, не форма *южанка* (даже с ударением на первом слоге), а форма *юженка* (ср. *француз – француженка*), устраняющая омографию, т. е. одинаковое написание разных слов. Для названий *манси* в узусе устойчивы наименования *манси* в равной мере для мужчин и женщин и *мансийка* – только для женщин. Для названий женщин народа нивхов форма *нивхка* ныне по существу не употребляется: даже в речи этнографов она вытеснена формой *нивха*, а в первой трети XX в. использовалась и форма *нивхинка* (встречается в книге Е.А. Крейновича «Нивхгу»).

Название женщин у этнической группы каменщиков могло бы иметь вид *каменка* – впрочем, такое самоназвание должно быть проверено в полевых условиях. Для обозначения женщин народа ороков существует не искусственная форма *ороканка*, а особая форма, совпадающая с самоназванием ороков – *ульта*. Общепринятое устойчивое название женщин-ульчей в узусе выглядит как *ульчанка*, название мужчин «ульч» не является нормативным (хотя так иногда называют себя сами мужчины-ульчи, плохо знающие родной язык), а форма «ульчка», кажется, не существует вовсе. В то же время название женщин народа орочей выглядит как *орочка*, а форма *ороченка* относится скорее к эвенкам-ороченам или эвенкам КНР с самоназванием «орочен» (> кит. *элунчун*).

Р.А. Агеева отмечает, что этноним «ханты» дан в словаре только в неизменяемой форме. Однако в узусе наименование *ханты* используется в равной мере для обозначения мужчин и женщин, кроме этого для женщин существует наименование *хантыйка* (слово *хант* как название мужчин народа ханты, хотя оно уже довольно давно встречается в периодике и СМИ, пока еще не может быть признано нормативным для русского языка).

Существенно, что для названия женщин народа эвенков наряду с формой *эвенкийка* существует и даже присутствует в паспортах форма *эвенка*, совпадающая с названием женщины из народа эвенов. Непонятным образом на четвертую страницу обложки попала форма *нганасанцы*, отсутствующая как в корпусе словаря, так и в известной нам литературе. Вопрос о том, стоит или не стоит включать в словарь разговорные и просторечные формы этнонимов и нужно ли их снабжать в словаре рекомендательными пометами, очевидно, следует оставить открытым, хотя достойно одобрения то, что просторечная форма *молдаван* от «молдаванин» все же оставлена составителем за пределами словаря, несмотря на то что она встречается в сочинении одного весьма авторитетного представителя отечественной художественной литературы второй половины XX в.

К числу бесспорных достоинств словаря-справочника надо отнести его прекрасное полиграфическое оформление, которое не претендует на роскошь, но тем не менее привлекает к себе внимание.

Несмотря на некоторые отмеченные выше недостатки, которых, очевидно, нельзя было избежать при подготовке новаторского, пионерского труда, словарь-справочник «Какого мы роду-племени?» будет полезен в равной мере и специалистам, и массовому читателю. Весьма желательно, чтобы второе издание книги Р.А. Агеевой было бы подготовлено и выпущено в свет в кратчайшие сроки.

Примечания

[1] См.: Этнос и его подразделения. Ч. 1. Этнические и этнографические группы. Ч. 2. Этнические и этнографические группы в Волго-Уральском регионе. М., 1992.

[2] *Леонтьев В.В.* Происхождение этнонима «чукчи» и слова «чаучу» // Краеведческие записки. Вып. XII. Магадан, 1982. С. 152–153.

[3] *Бурыкин А.А.* О происхождении этнонима *Камчадалы* // Русский язык конца XVII – начала XIX века (вопросы изучения и описания). СПб., 1999. С. 102–115.

[4] См.: *Дугаров Р.Н.* Саха (якутские) и хори (бурятские) этнотопонимические параллели // Культурное наследие народов Сибири и Севера. Материалы Четвертых Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 99–102.

А.А. Бурыкин, А.М. Решетов